

Юрий Сушко

АНАЛИЗИРУЯ ЛИЧНОСТЬ
БАНДЕРЫ, ЧУВСТВУЕШЬ
СЕБЯ СЛОВНО
НА МИННОМ ПОЛЕ,
ГДЕ КАЖДЫЙ
НЕОСТОРОЖНЫЙ ШАГ,
БЕСПЕЧНО БРОШЕННОЕ
СЛОВО ГРОЗИТ
НЕПОПРАВИМЫМ

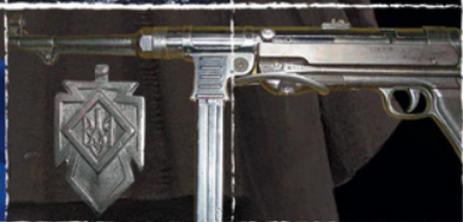

КАКОВО
ИСТИННОЕ
ЛИЦО ЭТОГО
НЕПРОСТОГО,
ОКУТАННОГО
ПАУТИНОЙ
МИФОВ
ЧЕЛОВЕКА?..

ЧЕМ ГРОМЧЕ ИМЯ,
ТЕМ ЯРОСТНЕЕ
ШКВАЛ
ОБВИНЕНИЙ

УКРАЇНСЬКЕ
ВІЙСКО

Я любил
Степана
Бандеру!..

Юрий Михайлович Сушко Я убил Степана Бандеру

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5826000
Я убил Степана Бандеру!...: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04259-0*

Аннотация

В мартирологе великомучеников и национальных героев современной Украины Степану Бандере отведено место самого главного борца против советской власти, большевизма и «клятых москалей». Его как лидера украинских националистов выдают за неукротимого антифашиста и не менее страстного антикоммуниста. Оппоненты столь же безапелляционно клеймят Бандеру как «бесноватого украинского фюрера» и «кровавого палача». Кто прав? Каково было истинное лицо этого очень непростого, упрямого и загадочного человека, окутанного паутиной мифов?.. Автор настоящей книги пытается воссоздать подлинную историю жизни и гибели Степана Бандеры, до умопомрачения влюблённого то ли в Украину, то ли в себя самого. Параллельно он рассказывает о Богдане Сташинском, ликвидаторе, некогда завербованном КГБ...

Содержание

Предисловие	4
Западный Берлин. 13 августа 1961	7
Западная Украина. Начало XX века	12
«Высвобождение беса...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Сушко

Я убил Степана Бандеру!.

Предисловие

В мартирологе великомучеников и национальных героев современной Украины Степану Бандере отведено место самого главного борца против советской власти, большевизма и «клятых москалей». Его именем на Украине сегодня названы улицы, в его честь установлены памятники, о нём с пиететом пишут в нынешних школьных учебниках истории, выдавая лидера украинских националистов за неукротимого антифашиста и не менее страстного антикоммуниста.

Оппоненты столь же безапелляционно клеймят Бандеру как «бесноватого украинского фюрера», «кровавого палача», «карлика-убийцу», «людоеда». Заодно успешно взрывая те самые памятники.

Кто прав? Каково было истинное лицо этого очень непростого, упрямого и загадочного человека, окутанного паутиной мифов?..

Многие персонажи украинской истории в общественном сознании, к сожалению, нередко ассоциируются с личностями беспринципными, алчными, кровожадными, способными

ми на всё ради достижения собственных целей.

Чем громче имя, тем яростнее шквал обвинений в его адрес. Иван Мазепа (тут же услужливая память готова подсказать – «презренный предатель»), Симон Петлюра («конченный убийца»), Нестор Махно («упырь-анархист»), Владимир Винниченко («историческое недоразумение»), Богдан Хмельницкий («холуй Москвы»)...

Вряд ли стоит продолжать перечень этих героев, тем более что из него просто **выламывается** такая неоднородная, противоречивая и яркая фигура, как Степан Бандера.

Дружный хор воспевает ему осанну, награждая титулами пламенного патриота, героя, отца нации, солнца, символа и знамени Украины (недаром же слово «бандера» в переводе с латыни как раз и означает «знамя», «флаг», «прапор» и пр.). В старину на Галичине банд ерами называли знаменосцев.

Оппоненты низвергают «национальный штандарт» к кровавым стопам Гитлера. Они иначе трактуют этимологию фамилии Бандера, утверждая, что она, скорее всего, происходит от немецкого *Vanditen*, что в переводе не нуждается. А кое-кто советует перечитать Киплинга с его бандерлогами. Третьи напоминают: «бандера» на идиш означает «притон».

Многоцветная палитра мнений свидетельствует, что уж посредственностью Степан Андреевич Бандера ни в коем случае не был. Иначе не возникало бы вокруг него столько яростных, жарких споров и дискуссий, даже в наши дни доходящих до реальных взрывов, жертв, кровопролития.

Автор никоим образом не стремится к реабилитации лидера украинских националистов. Равно как и к тому, чтобы в очередной раз предать его анафеме. Единственным и искренним есть желание воссоздать подлинную историю жизни и гибели Степана Бандеры. До умопомрачения влюблённого то ли в Украину, то ли в себя самого, восседающего на её троне...

Но если всё же согласиться с тем, что Бандера есть знамя украинского народа, а дела и идеи его – библия нации, то, к сожалению, становится ясно, отчего европейцы с опаской присматриваются к загадочной державе Украина, претендующей на членство в аристократическом ЕС.

Вольнодумец Вольтер, размышляя об Украине, в своё время писал: «Это земля запорожцев – самого странного народа на свете. Это шайка русских, поляков и татар, исповедующих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством; они похожи на флибустьеров... Плохое управление погубило здесь то добро, которое природа пыталась дать людям...»

Анализируя личность Степана Бандеры, чувствуешь себя словно на минном поле, где каждый неосторожный шаг, беспечно брошенное слово грозит непоправимым.

Простите грешного...

Автор

Западный Берлин. 13 августа 1961

– Позвольте вас спросить, почему от вас так отвратительно пахнет?

Шариков понохал куртку озабоченно:

– Ну, что же, пахнет... известно. По специальности. Вчера котов душили, душили...

Михаил Булгаков. Собачье сердце

—...My name is Bogdan Stashinsky. I am agent of KGB, – медленно, старательно выговаривая каждое слово, чуть запинаясь, с жутким акцентом, произнёс молодой человек, не отводя глаз от лица дежурного сержанта отделения американской военной полиции в Западном Берлине. Потом повторил всё сказанное по-немецки, а затем ещё раз, на всякий случай, по-русски: – Меня зовут Богдан Сташинский. Я являюсь агентом КГБ... – После небольшой паузы он добавил: – Два года назад по заданию Москвы я убил в Мюнхене Степана Бандеру. Вы меня поняли?

– Stop! Stop! – наконец отреагировал сержант Бентли, вскакивая со стула. – Stop! Повтори ещё раз и помедленнее, кого ты там убил?!

Осипший голос молодого человека окреп.

– Я убил Степана Бандеру, лидера организации украинских националистов. – Богдан взглянул на свою спутницу, которая следом за ним тихой мышкой проскользнула в тес-

ный кабинет дежурного, а сейчас, притаившись, сидела на стуле у стены. – Два года назад, 15 октября 1959 года, я стрелял в него из специального оружия. После чего он скончался.

– Stop! – вновь остановил молодого человека сержант, ошарашенный признанием. Он нажал кнопку селекторной связи, отдавая команду невидимой секретарше: – Ленни, срочно доложи полковнику, что у нас тут совершенно непредвиденные обстоятельства, ЧП... Далее. Срочно найди нашего переводчика с русского. Не знаю я кого – Дика, Роберта... Ну, кто есть на месте. Только срочно! И последнее, Ленни, вызови пару наших охранников с автоматами, пусть встанут на пост у моей двери. Мало ли что... Окай?..

Дежурный поёрзал в кресле и, не спуская глаз со странного визитёра, закурил. Да, дела... Ничего себе денёк начинается. Буквально полчаса назад, когда он только заступил, из полиции западного сектора Берлина раздался тревожный звонок. Шуцман сообщил, что к ним в участок пришёл какой-то странный молодой человек, русский, который требует немедленно связать его с американскими военными властями по чрезвычайному делу. Как быть? Везти? Или?..

– Как быть, как быть?! Какое может быть «или»?! Конечно везите! – раздражённо буркнул сержант. – Разберёмся...

Как чувствовал, наверняка какая-нибудь пакость. Теперь расхлёбывай. Не каждый день в офис американской военной полиции заявляется «агент КГБ», убийца, что-то лепечет о теракте, о каком-то Бандере... Чёрт его знает, а может, этот

тип просто псих или контуженый?.. А вдруг ещё того хуже – провокатор, специально подосланный агент? От этих русских всего можно ожидать...

В ожидании начальства сержант исподволь изучал своего гостя: на вид около тридцати лет, нормального телосложения, самой обычной, можно сказать, внешности, без каких-либо особых примет. Хотя девкам он, по всей видимости, нравится... Но представить, что этот парень – убийца? В голову никогда не придёт! Куда проще вообразить его клерком страховой компании, барменом, продавцом в маркете, предлагающим покупателям модные костюмы, туфли, галстуки или дамское бельё.

– Садитесь, – приказал он пока что невнятного для него «агенту КГБ» и перевёл взгляд на его спутницу.

– Это моя жена, – мгновенно понял немой вопрос посетитель. – Фрау Инге Польш. Вчера мы вместе с ней бежали из восточного сектора Берлина. Точнее, приехали сюда поездом. Еле-еле успели. Сегодня утром глазам не поверили: весь Берлин перегорожен какой-то стеной... – Неожиданно Сташинский (или кто он там есть на самом деле) обратился с просьбой к хозяину кабинета: – Простите, я не мог бы попросить вас не курить? Видите ли, моя жена очень плохо себя чувствует после всего пережитого... Там же на нас была организована настоящая облава. Мне показалось, за нами следили как минимум с двух или трёх машин... И потом, у нас буквально на днях скончался сын. Мы даже не успели

его похоронить. Вы понимаете наше состояние?.. Простите.

– Oh, no problems. Sorry, mam, – миролюбиво откликнулся сержант и аккуратно погасил сигарету в пепельнице. Он подошёл к окну и распахнул его. – Извините, вентилятор сломался... Не желаете ли воды?..

В эту минуту в комнату энергичным шагом вошёл седоватый представительный сухопарый мужчина в полевой армейской форме, судя по манерам немалый чин в здешнем ведомстве. Следом за ним просочился юный рыжеволосый полисмен. Наверное, переводчик, Дик или Роберт.

– Господин полковник! – вскочил дежурный сержант. – Этот человек, – он ткнул толстым пальцем в сторону Сташинского, – утверждает, что он якобы является агентом КГБ. Кроме того, он заявил, что два года назад застрелил в Мюнхене какого-то типа по фамилии... Сейчас скажу, секунду, – он заглянул в свой блокнот, – Van-de-ra...

Офицер с любопытством посмотрел на неожиданного гостя и тут же распорядился:

– Займитесь протоколом, сержант. Давайте, господа, не спеша и по порядку... Вы же, надеюсь, больше не собираетесь никого убивать? – Он натянуто улыбнулся «агенту». А потом обратился к сержанту: – Кстати, Гривс, вы давно служите в Германии?

– С апреля, сэр!

– А, ну тогда простительно. Но всё равно пора бы изучить страну пребывания... Бандера был местным фюрером

украинских наци. Два года назад его действительно убили в Мюнхене, в прессе большой шум был... Ну хорошо... Итак, господа, начнём. Дик, переводы. Представьте, пожалуйста. Вы...

– Я – Богдан Сташинский...

Западная Украина. Начало XX века

– ...Котов нужно душить одной левой! – Степан из последних сил стискивал шею тщедушного котёнка, который, чуя приближение верной гибели, всё ещё пытался вывернуться из цепких рук мучителя, сипел от ужаса, судорожно дёргал лапками, чтобы хотя бы напоследок царапнуть эти гадкие, липкие ладони палача.

Кошачьи коготки были не острее колючек шиповника, но капельки крови, появившиеся на руке, только распалили Степана, добавляя ему злости и решимости.

Наконец тельце жертвы в последний раз конвульсивно вздрогнуло и обмякло, как тряпичная кукла. Степан, ещё дрожа от возбуждения, поднял над головой «трофей» и победно взглянул на стрыйских гимназистов, столпившихся вокруг: «Ну?! Кто говорил, что я не смогу?!»

Он читал страх и растерянность в глазах своих ровесников. Они его боятся? Да. Прекрасно! Так и должно быть. Всегда и везде. Так и будет.

* * *

Хотя среди галичанских униатов не в чести были маловра-

зумительные, почти языческие новогодние праздники, которые почему-то так почитают москаля, но начиная с 1909 года от Рождества Христова семейство греко-католического священника Андрея Бандеры 1 января было вынуждено праздновать. Что делать, если именно в этот день угораздило появиться на свет их сына Степана?

В селе Угринов Старый Калушского уезда Бандеры пользовались авторитетом и уважением. Уроженец здешних мест Андрей Бандера, прослушав курс богословия в Львовском университете, вернулся в родные края, благоразумно взял в жёны дочь местного священника Мирославу Глодзинскую и спустя какое-то время унаследовал духовный сан тестя в староугриновской церкви.

Это было весьма плодовитое семейство: дети у Бандер рождались с завидной регулярностью – каждые два года. Первенцем стала Марта Мария, следом родился Степан. В 1911 году появился на свет Александр, далее – дочь Владимира. Позже семью пополнил Василь, а за ним Оксана. Последышем стала Мирослава, умершая в младенчестве.

Вспоминая детские годы, Степан Бандера не позволял себе размениваться на какие-то бытовые подробности, подчёркивая, что рос в доме, где царила «атмосфера украинского патриотизма и живых национально-культурных, политических и общественных интересов». Читая его автобиографические заметки, невольно ловишь себя на мысли, будто автор предусмотрительно готовил клише будущей статьи о се-

бе для солидной энциклопедии, чуть ли не с пелёнок «бронзовея» в собственных глазах.

Отец слыл среди угриновцев эрудитом и книгочеем. Он принадлежал к числу тех западноукраинских священников, которые не отделяли вопросы сугубо духовные от светских, а дела церковные от государственно-национальных. Именно по инициативе Андрея Бандеры в селе появилась читальня «Просвита» («Просвещение»), кружок «Родная школа», различные сельскохозяйственные объединения. К отцу Андрею тянулась местная, не столь уж многочисленная интеллигенция, активисты галичанского национального движения. Среди них Степан упоминал родственника жены Павла Глодзинского, учредителя местных сельхозкооперативов «Маслосоюз» и «Сельский хозяин», посла венского парламента Ярослава Веселовского, скульптора-самоучку Гаврилко.

Во время Первой мировой войны Угринов Старый четырежды пересекала линия австро-российского фронта. Артналеты не прекращались ни днём ни ночью. Пострадал от бомбежки и дом Бандер. Эти беды, по всей вероятности, каким-то образом сказались на болезненном мировосприятии подростка.

«Тогда, летом 1917 г., мы наблюдали революционные проявления в армии царской России, проявления национально-революционных движений и огромную разницу между украинскими и московскими воинскими частями. В октябре – ноябре 1918 г., мальчиком неполных десяти лет, я пережил

волнующие события возрождения и строительства украинского государства... – с пафосом сообщал своим гипотетическим читателям Степан Андреевич. – Мой отец принадлежал к организаторам государственного переворота в Калушском уезде (с доктором Куривецом), и я был свидетелем формирования им из жителей окрестных сёл военных отрядов, вооружённых спрятанным в 1917 г. оружием... Особое влияние на кристаллизацию моего национально-политического сознания имело празднование и всеобщее воодушевление злукой (воссоединением) ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республики) и Украинской Народной Республики в единое государство в январе 1919 г...»

Остаётся лишь подивиться высокой сознательности будущего украинского национального лидера, проклюнувшейся в нём в столь юном возрасте.

Когда в 1918 году огромная, но сотканная гнилыми нитками из лоскутных частей Австро-Венгерская империя стала дробиться на мелкие земельные участки между Россией, Пруссией, Австрией и Польшей, галичане тут же подняли гордые головы и знамёна, затеяв отчаянную борьбу за свои кровные земли.

Даже Андрей Бандера, бросив на произвол судьбы паству, подался в Украинскую Галичанскую армию. Разумеется, как служитель алтаря, он не мог брать в руки оружие. «Парох» (отец), полевой капеллан Бандера был нужен фронтовикам – и для отправления службы Божьей, и для исповеди,

и для причастия, и для отпевания.

Вскоре после начала боевых действий ударную армию Галичины начал косить тиф, количество жертв которого едва ли не превышало число павших на поле брани от штыков, шрапнели и пуль. Отец Андрей не оставлял без своего внимания, доброго участия и сострадания ни одного солдата, палимого тифозной горячкой. Подхватил опасную заразу и сам, но избежал печальной участи умерших. После безусловного и полного разгрома галичанского воинства в 1920 году вернулся в родные края. Земляки избрали его своим послом в парламент самопровозглашённой Западно-Украинской Народной Республики. Правда, существовала эта «республика» совсем недолго, но тем не менее отцовский титул – «посол» – в сознании впечатлительного Степана был созвучен чуть ли не с гетманским званием.

Биографы считают, что его детство закончилось уже в десятилетнем возрасте, когда родители решили отправить сына на обучение в гимназию в Стрый.

«В народную школу я не ходил вообще, – откровенничал Бандера, – ибо в моём селе... школа была закрыта с 1914 г. из-за призыва учителя в армию и других событий военного времени. Знания в объёме народной школы я получил в родительском доме, вместе с сёстрами и братьями, пользуясь несистематической помощью домашних наставниц...»

Стрый юного поповича ошеломил. По сравнению с родным селом этот пусть невеликий и пыльный городок с узки-

ми, но зато мощёными улочками, кирпичными домами, костёлами показался ему суровым, неприступным и неприветливым к пришлым чужакам. Слава богу, в Стрые жили родные люди – дед Михайло и бабушки, у которых он и остановился.

Обучение стоило немалых денег. За курс наук родителям приходилось ежегодно выкладывать как минимум 240–250 злотых. Много это или мало? Примерно в такую же сумму обходилась покупка на местном скотном рынке двух бурёнок. Нужны были ещё и канцелярские принадлежности, и учебники. Но только словарь по латыни тянул на 10 злотых, а греческий – на 15. Часть и без того скудного бюджета гимназиста «съедали» (невольный каламбур) расходы на пропитание – до 50 злотых в месяц. Хорошо ещё, что в дедовом огороде были свои картошка, капуста, поспевали огурцы с помидорами, да и курятник не пустовал.

«Материальную возможность учиться в гимназии, – сухо вато подбивал «баланс» Степан, – я имел благодаря тому, что проживание и содержание обеспечивали родители моего отца, которые имели своё хозяйство... Там же жили мои сёстры и братья во время школьного обучения. Как у отца во время ферий (каникул), так и у деда я работал в хозяйстве в свободное от занятий время...»

Позже, начиная класса с четвёртого, гимназист Стефка Бандера приноровился зарабатывать на карманные расходы репетиторством, занимался с нерадивыми учащимися бур-

сы.

От рождения не блещущий крепким здоровьем Степан рос болезненным и хилым. Золотуха и весь шлейф неизбежных детских хворей позже усугубился коленным ревматизмом – по его народному определению, это «зверь, который лижет суставы, но кусает сердце». Случалось, что у мальчика порой даже отнимались ноги.

Свои недуги Степан сносил мужественно. До седьмого по-та истязал себя физическими упражнениями, бегал, прыгал, стремясь убедить всех, что обожает походы, лыжные гонки и даже иноземную диковинку – «кошиковку» (баскетбол).

Раньше остальных ребят, по достоинству оценив его настырность, Степана приняли в элитные скаутские организации – „Пласт” и «Сокол». «Кроме того, – раскрывал он «детские» секреты, – существовали тайные подпольные кружки школьников средних классов, которые были идейно связаны с Украинской Воинской Организацией – УВО – и имели цель воспитывать отборные кадры в национально-революционном духе, влиять в этом направлении на молодежь и приобщать старшеклассников к вспомогательным действиям революционного подполья (например, организовывали сборы на содержание украинского тайного университета, распространяли запрещенные польским правительством украинские зарубежные издания, призывали к бойкоту польских обществ, первых выборов и т. д.)».

Принадлежа к пластунам (казакам) ещё с третьего клас-

са, Степан являлся членом 5-го пластунского куреня имени князя Ярослава Остомысла, а затем 2-го куреня старших пластунов отряда «Красная калина». Достойная пластунская карьера.

В начале 1920-х годов, в период школярских лет Степана, общественно-политическая жизнь Галичины стремительно менялась. И вовсе не в лучшую сторону для коренных жителей этой окраины Украины. Даже само наименование земель – Западная Украина высокомерная шляхта изъяла из официального обращения и заменила на унижительное – Малопольска Всхудня (Восточная Малопольпа).

В 1923 году Совет послов Европы, где дипломаты ломали голову и перья над проектами обустройства послевоенной жизни Старого Света, признал права новообразованного Польского государства на западноукраинские земли, но при условии предоставления местному населению культурной автономии. Естественно, эти требования ясновельможные паны не считали для себя обязательными к исполнению.

Правительство Польши сразу стало проводить жёсткую политику так называемой пацификации, или полонизации, Галичины. Кстати, слово «полон» по-украински означает «плен». А сама Польша в латинской транскрипции звучит как Полония. Подобные лингвистические хитрости для западноукраинцев были зловещим знаком. Хотя пацификация и переводилась как «умиротворение», но, по сути, являлась грубой зачисткой территории.

Очень скоро во Всхудню из нищей, малородящей Центральной Польши хлынули охочие переселенцы. Здесь они без всяких проволочек получали немалые земельные наделы на самых льготных условиях. Всего здесь осело 77 тысяч осадников (поселенцев), в основном отставных офицеров польской армии. В 1930 году депутаты английского парламента, обеспокоенные непомерными аппетитами новых латифундистов в Восточной Европе, обратились к Лиге Наций: «200 тысяч гектаров пахотной земли в Восточной Галичине, такие же площади на Волыни и в Полесье выделены польским колонистам. А местное украинское население редко имеет свыше 0,5–1,5 гектара... Польские сельскохозяйственные организации получили 79 миллионов злотых в качестве финансовой помощи от польской власти, украинские организации – ни гроша...»

«Я видел, как поляки, начиная от рабочего и кончая интеллигентом, творили украинцам пакости на каждом шагу. Только и можно было слышать с их стороны: „русин-кабан“, – с горечью вспоминал будни пацификации ветеран оуновского движения Мечник. – Когда наш крестьянин приходил в учреждение, то, если он не знал польского языка, сталкивался с массой препон. Польские крестьяне-переселенцы... пользовались займами и прочим. Польский полицейский искал любую причину... чтобы административно покарать нашего селянина...»

Возмущённые галичане начали массовые поджоги усадеб

осадников. Только в июле 1930 года они сожгли более двухсот поместий польских переселенцев. Естественно, последовали репрессии.

Должности в государственных учреждениях в Малопольской Выхудне резервировались исключительно для поляков, причём только католического вероисповедания. Впрочем, подобный подход к «подбору и расстановке» кадров имел объективные основания: образовательный уровень переселенцев был значительно выше, чем у коренного населения. В Галиции издавна существовал дефицит квалифицированных, толковых, знающих, порой просто грамотных людей.

Степан Бандера

Но поправлять существующее положение новая власть не спешила. Напротив, повсеместно закрывались украинские школы, а в оставшихся лишь половина предметов преподавалась на украинском языке, все же прочие – на польском. «В период между 1920 и 1925 годами, – отмечали британские парламентарии, – украинцы потеряли 2607 школ. Из тысячи украинских детей 71 ходит в украинские школы, а 929 – в польские или двуязычные».

Бандере повезло: 3-я Стрыйская гимназия, располагавшаяся в старинном доме «Русская бурса», выгодно отличалась от себе подобных. По своему национальному составу она была почти полностью украинской. Ясновельможные своих отпрысков в эту гимназию определять отказывались, зато в неё с охотой шли учиться дети из немецких и еврейских семей. С одной стороны, это была скрытая форма тихого протеста против ненавистной полонизации, с другой – проявление солидарности с украинскими националистами. Во всяком случае, так полагают современные исследователи оуновского движения. Хотя возможно, юным галичанским немцам и евреям просто некуда было больше податься, кроме этой самой «Русской бурсы»...

Ах, как аукнется недалёковидным польским политикам дискриминация западных украинцев буквально через

несколько лет! Бандера, прибившись к вожакам подпольного движения, проявит чудеса изобретательности и фантазии, разрабатывая и тщательно продумывая brutальные «школьные бунты», с шумом прокатившиеся по всей Галичине.

Степан, как он сам уверял, выросл очень быстро, не по дням, а по часам, стремясь оправдать свою гордую фамилию. Старшеклассники сразу разглядели в паренёке сообразительность, шустрость, «придумкуватость» (выдумку), когда дело касалось организации какой-нибудь очередной школьной проказы: во время урока подкинуть в класс, скажем, самодельную водяную бомбочку или исхитриться порушить ладный строй гимназистов во время парадного марша по улицам Стрыя.

В жилах кипела молодая кровь, в головах гулял ветер. Гимназисты с восторгом воспринимали любые, самые сумасбродные и опасные, но оттого ещё более заманчивые, дерзкие идеи. Невинные забавы порой, помимо воли озорников-зачинщиков, обретали политическую окраску.

Во время очередного торжества, например, по случаю государственного праздника Польши в большом зале собирается почтеннейшая, при параде публика, за трибуной взволнованный оратор готовится славить Речь Посполитую, а в это время в помещении лопаётся самодельная бомба, начинённая смердящим газом. И всё благородное панство спешно покидает высокое светское собрание. Ха-ха-ха!.. Воньща, само собой, улечучится, но нанесённое ляхам оскорбление в

памяти наверняка осядет.

Случались и другие шалости. Станным образом с задней стены сцены в зале гимназии бесследно исчезал польский герб, и когда присутствующим панам предлагали вставанием почтить высший государственный символ, то вместо белого орла пред их ясными очами представал золотой украинский трезубец. Очередной скандал!

Ну а чем худо было заявить прямо в лицо учителю, препаскудному ляху, что отвечать по-польски на уроке я не хочу, не могу и не буду?! И вообще, пусть пан учитель больше печётся не о мове, а о своей белокурой паненке с осиной талией и русалочьими глазками, которую вот прямо сейчас в кофейне, может быть, обжимает пан поручик...

Задания старших Степану удавалось исполнять быстро и точно. Буйные головушки кружила романтическая атмосфера таинственности, строжайшей секретности собраний. Каждый выбирал себе звучные подпольные «робин-гудовские» клички: Быстрый, Смелый, Легенда, Отчаянный, Лис, Тур, Рыцарь, Отважный... Им казалось, что этим они добавляют себе смелости и отваги, с удовольствием испытывая крепость своих кулаков.

Но главной задачей, конечно, было воспитание силы духа. Как-то одна из сестёр, сердцем почуяв, что в доме происходит что-то неладное, сорвала дверной крючок, ворвалась в комнату и обнаружила старшего брата, стоявшего у окна, бледного, с залитыми кровью пальцами. Из-под ногтей у него

торчали острые швейные иголки. «Ты рехнулся?!» – в ужасе закричала Владимира. «Отстань, – чуть слышно, сквозь стиснутые зубы, с трудом прошептал Степан. – Молчи, дура. Родителям не вздумай проболтаться, убью...»

Потом, когда «великомученик» пришёл в себя, он попытался объяснить сестре: «Мне это было надо. Пойми, Влада, я должен был проверить, смогу ли выдержать пытки врагов... Они ведь именно так мучают наших патриотов. Помнишь Олю Басараб? А я помню...»

Спустя годы, поучая соратников, он провозгласит: *«Если нам нужна кровь, мы дадим кровь, если нужен тер-рор, мы дадим террор в его точке кипения. Кодекс националиста есть личная совесть его».*

Психофизиологические эксперименты подростка над самим собой специалисты-медики, разумеется, способны объяснить, но вряд ли оправдать. В том числе и чисто шариковские, садистские наклонности. Бандера остро нуждался в самоутверждении, в стремлении доказать себе, но главное – другим, что он способен пойти до конца во имя святой цели, собственноручно, голыми руками смести все преграды, при необходимости лишит жизни любого врага – пусть сегодня это будет омерзительно грязный, беспризорный, блохастый кот, а завтра – истязатель патриотов «неньки Украины», лютый «человек с ружьем» – будь то москаль, жид или лях.

Острейшие иголки под ногтями в болезненном восприятии отрока были для него символом стойкости и неслыхан-

ного геройства, означали готовность выдержать едва ли не Христовы муки, но всё-таки харкнуть кровью в лицо палачам. Вы видите: я всё смогу, мне ни капельки не страшно, я стерплю какую угодно боль и кару! Гады!!! Ненавижу вас! Не боюсь! Проклинаю! Уничтожу!

Сознательно готовя себя к пыткам, мукам и стылым застенкам, Степан даже зубы умудрялся лечить с помощью... сельского кузнеца. Коновал с нескрываемым удовольствием производил по просьбе мальчишки изуверские операции по удалению гнилых корешков своими щипцами, ещё не остывшими от раскалённых поковок.

Мозг подростка беспощадной пиявкой точила злоба и ненависть к окружающему миру, отравляя трупным ядом его неустойчивое сознание. Всё раздражало и разочаровывало. Время от времени его охватывали едва сдерживаемый гнев и жажда мести. Кому? За что? Да всем на всём белом свете!

Анализируя многочисленные свидетельства о детских выходках будущего апостола украинских националистов, психиатры легко диагностировали возбудимость, истеричность, конфликтность, властолюбивость мальчика с явно завышенной самооценкой. Обострённая потребность в бесконечном восхищении собой и своими поступками. Даже в настойчивых попытках освоить игру на гитаре и мандолине просматривалась неудержимая тяга к лидерству.

Он с детства исповедовал аскетизм, с юных лет не прикасаясь ни к греховному табаку, ни к алкоголю. Сублично-

му Степану приходилось каждодневно доказывать окружающим свою физическую и моральную состоятельность, силу, правоту. Как огня боялся девчачьих насмешек. Сучки они распоследние. Поголовно.

«Высвобождение беса...»

Надо отдать должное: Степан Бандера не претендовал на корону главного идеолога националистического движения, да и некогда ему было тратить на теорию своё драгоценное время. Повседневных организационных хлопот с лихвой хватало. Творческими изысканиями он занялся много позже, по окончании Второй мировой войны, находясь на заслуженном отдыхе в эмиграции.

Мировоззрение будущего лидера ОУН формировалось под влиянием работ идейного отца украинского национализма философа Дмитрия Донцова, а также таких канонизированных манифестов, как «Декалог, или Десять заповедей украинского националиста» (автор Степан Ленкавский), «12 примет характера украинского националиста» (Осип Машак) и «44 правила жизни украинского националиста» (Зенон Коссак).

Символы веры этих националистов были исполнены романтизма и высокопарной изысканной риторики, отдалённо напоминающих то библейские заповеди, то средневековые кодексы чести тевтонских или мальтийских рыцарей.

«Декалог» утверждал:

«Я – дух извечной стихии, уберёгший Тебя от татарского нашествия и поставивший на грань двух миров созидать новую жизнь:»

1. Обретёшь Украинскую Державу или погибнешь в борьбе за Неё.
2. Не позволишь никому чернить славу и честь Твоей Нации.
3. Помни про великие дни наших Освободительных боёв.
4. Гордись тем, что Ты – наследник борьбы во славу Владимирского Трезубца.
5. Отомсти за смерть Великих Рыцарей.
6. О деле говори не с тем, с кем можно, а с тем, с кем нужно.
7. Исполни, не колеблясь, самые опасные поручения, если того потребует доброе дело.
8. Ненавистью и самоотверженной борьбой встретить врагов Твоей Нации.
9. Ни просьбы, ни угрозы, ни пытки, ни смерть не заставят Тебя выдать тайну.
10. Борись за укрепление силы, славы, богатства и расширение просторов Украинской Державы».

«12 примет характера украинского националиста» расшифровывали так:

«Украинский националист проявляет:

1. Готовность ко всему, что означает, что он является вояком Украинской Революционной Армии. Он борется на великом, всеобъемлющем фронте Украинской Национальной Революции, отдавая все свои силы, готов каждую минуту

отдать и жизнь. Украинский националист всегда пребывает в полной боевой готовности.

2. Бескорыстность, что означает, что Идею Украинского Национализма и службу ей ставит выше всех сокровищ этого мира. Для неё он променяет с радостью возможности безоблачной и благополучной жизни на суровую долю солдата-борца, тёплую хату – на окопы или тюрьму. Счастье находит и ищет он в радости борьбы и побед Великого

Святого Дела. Только в счастье Украинской Нации – счастье украинского националиста. Её воля, слава и могущество – его сокровенные желания.

3. Честность, что означает, что он имя националиста носит достойно и никогда не запятнает его никаким нечестным поступком. Он всегда придерживается высоких требований националистической нравственности.

Мораль оппортунистического мира порождает и питает бездеятельность, фарисейство и соглашательство. Мораль националистическая – это мораль нового мира, поступка и борьбы, её принципы возвышенны и нерушимы. Она является основой действующего и чистого, словно хрусталь, характера украинского националиста, Рыцаря-Революционера.

4. Послушность, что означает, что он безоглядно подчинён и верен до самой смерти Идее Украинского Национализма, Организации Украинских Националистов и своим проводникам. Каждый приказ для него свят. Он знает, что дис-

циплина – это основа организации и силы, а анархия – это руины. Поэтому он всегда поддерживает авторитет Провода Украинской Нации в Организации.

5. Активность и инициативность, что означает, что он борется всеми силами, используя все возможности, каждую минуту для добра Великого Дела – Украинской Национальной Революции. Он не признаёт бездеятельности. У него за мыслью следуют дела, как за молнией гром. Ибо жизнь – это движение, борьба; покой – это застой и холодная смерть. Каждую идею, организацию или человека он оценивает по делам, а не словам. Пассивность – это примета раба. Пассивности раба противопоставляет он творческую инициативу и напряжённую активность борца-проводника.

6. Отвагу, что означает, что он всегда смело и бесстрашно противостоит всем преградам и опасностям. Он не ведаёт, что такое страх. Заячья сущность труса ему чужда и отвратительна.

7. Решительность, что означает, что он каждый приказ и каждую поставленную задачу исполняет решительно, без сомнений. Поставил – сделал.

8. Выносливость, что означает, что он всегда борется азартно и настойчиво. Он знает, что без выдержки, доведённой почти до упрямства, нет победы.

9. Уравновешенность, что означает, что он во всех случаях жизни сохраняет полное равновесие духа. Жизнь украинского националиста исполнена трудностей, преград и

опасностей. Чтобы их преодолеть, чтобы овладеть положением и собрать все силы к удару в соответствующее место, необходимо, прежде всего, овладеть собой. Поэтому украинский националист в подполье и в открытом бою, в окопах и в тюрьме, в триумфе и на ступенях, ведущих к виселице, всегда уравновешен, всегда одинаково спокоен, горд и улыбчив. Умеет по-рыцарски побеждать и по-геройски умирать.

10. Точность, что означает, что он всегда придерживается точности в жизни, вплоть до мелочей.

11. Здоровье, что означает, что он хочет быть здоровым. Он хочет, чтобы всё молодое украинское поколение было здоровым. Украина нуждается в сильных и здоровых телом и духом сыновьях. Поэтому он по мере возможностей исповедует движение и спорт, не разрушает своё здоровье ни употреблением отравы – не пьёт, не курит, ни разгульной жизнью. У украинского националиста Великая Идея в сердце, пламя революционного духа в груди, крепкие и гибкие мышцы, стальные нервы, быстрое соколиное зрение и слух, могучий кулак.

12. Осторожность, что означает, что он всегда придерживается всех требований конспирации».

Дух и нормы жизни братьев-самостийников опять-таки строго регламентировались.

«44 правила жизни украинского националиста.

Бессмертная властная воля Украинской Нации, кото-

рая повелела Твоим предкам завоевывать мир, водила их под стены Цареграда, за Каспий и Вислу, воздвигала могучую Украинскую Державу, мечом и плугом определяла границы своих владений, в борьбе против орд выполняла историческую миссию Украины, которая проявлялась в государственных поступках и творческих помыслах Великих Гетманов и Гениев, которые поднялись из руин к новому революционному движению и государственному строительству, которое теперь стремится к новой жизни и творит мощную эпоху Украинского Национализма и повелевает Тебе:

Восстань и борись! Слушай и верь, обретай и побеждай, чтобы Украина была вновь могучей, как когда-то, и создавала новую жизнь по своему усмотрению и по собственной воле!

1. Воспринимай жизнь как героический подвиг и побудительное проявление несгибаемой воли и творческой идеи.
2. Наивысшим Твоим законом и Твоим желанием есть воля и идея Нации.
3. Будь достойным наследником заветов великих сынов Твоей Нации, борись и трудись во имя великого будущего.
4. Твоим самым большим благодеянием и твоей честью является сила и величие Твоей Нации.
5. Железная дисциплина в исполнении Идеи и Провода и обязательность труда есть Твоё достоинство.
6. Помни, что Украина призвана к созданию новой жизни, и поэтому трудись во имя её могущества и процветания.

7. Воспитывай силу воли и творчества, носи повсюду идею Правды Украины и крепи в жизни её историческую миссию.
8. Твоей самой большой любовью является Украинская Нация, а Твоими братьями – все члены украинской национальной общины.
9. Будь верен идее Нации до конца жизни и не сдавайся, даже если против Тебя будет весь мир.
10. Красоту и радость жизни понимай в бесконечном стремлении к вершинам духа, идей и действия.
11. Могучий Бог княгини Ольги и Владимира Великого жаждет от Тебя не слёз, не милосердия или пассивных размышлений, но мужества и активности в жизни.
12. Знай, что лучше всего воздавать Богу почести через Нацию и во имя Нации реальной любовью к Украине, строгой моралью борца и творца свободной государственной жизни.
13. Овладевай знаниями, что поможет Тебе познать мир и жизнь, возвысит Украину и победит врагов.
14. Осознавай то, что Ты являешься одним из ответственных за судьбу целой Нации.
15. Помни, что самым большим преступлением является нанесение вреда своей Нации.
16. Твоими врагами являются только враги Твоей Нации.
17. С врагами поступай так, как того требует добро и величие Твоей Нации.
18. Знай, что наилучшими качествами украинца есть мужественный характер и воинская доблесть, а защитой –

меч.

19. Постоянно познавай, совершенствуй себя, и обретёшь жизнь и мир.

20. Знай, что мир и жизнь – это борьба, а в борьбе побеждает тот, у кого сила.

21. Тогда Ты совершенный человек, когда побеждаешь себя и мир и постоянно стремишься к вершинам.

22. Знай, что в борьбе побеждает тот, кого не сломят поражения, кто отважно поднимается после падения и неуклонно стремится к цели.

23. Для победы нужны выдержка и постоянные усилия в действиях и борьбе.

24. Ежечасно будь готов на самый значительный поступок, но при этом не пренебрегай повседневным трудом.

25. Будь первым в борьбе и жизненных победах, чтобы добыть для Нации венец победы.

26. Живи риском, опасностями и постоянным напряжением, откажись от всякой выгоды и спокойной жизни филистера.

27. С радостью и без нареканий исполняй возложенные на Тебя обязанности, чтобы своим трудом и реальными ценностями обрести себе право на лидерство.

28. Помни, что лидерство требует постоянных трудов и огромных усилий.

29. Будь сильным и несгибаемым даже перед лицом смерти и различных испытаний.

30. Храни гордо голову перед опасностями, а на удары судьбы отвечай умножением усилий в труде и борьбе.

31. Помни, что милостыню принимает только немощный нищий, который не может своим трудом и своими способностями обрести право на жизнь.

32. Не надейся ни на кого. Будь сам творцом своей жизни.

33. Будь скромным и благородным, но помни, это означает скромность и послушание.

34. Единомыслие с богатырями духа Тебя возвышает, а сочувствие с подлыми и бесхарактерными людьми – ослабляет. Протяни братскую руку тем, кто хочет, как и Ты, идти наверх.

35. Не завидуй никому. Удовлетворись тем, что обретаешь собственным трудом и достоинствами.

36. Будь дружелюбен. Крепи побратимство духа, идеи и оружия в жизни, труде и борьбе.

37. Связывай тесно свою жизнь с жизнью Нации. Отдавай Украине свой труд, добро и кровь.

38. Избегай какого-либо лицемерия, обмана и хитрой фальши, но перед врагом скрывай тайные дела и не дай заманить себя в расставленные сети, для получения же секретов врага используй даже коварство.

39. Почитай женщин, которые должны стать Тебе товарищами по духу, идее и действиям, но избегай разнужданных.

40. Цени высоко материнство, как источник продолже-

ния жизни. Из Твоей семьи создай ковчег чистоты Твоей Расы и Нации.

41. Люби и заботься о детях, как о будущем Нации.

42. Крепи физические силы, чтобы ещё лучше работать для своей Нации.

43. Будь точным. Считай утраченной частью жизни каждую минуту, которая прошла без дела.

44. То, что делаешь, делай сознательно и так, будто оно должно остаться в веках и может стать последней и лучшей памятью о Тебе.

Во имя крови и славной памяти Великих Рыцарей, во имя будущих поколений всем и всюду демонстрируй делом верность и любовь к Украине. Неси гордо и непоколебимо знамя Украинского Национализма, высоко цени и почитай честь и имя украинского националиста».

Обязательными были ритуальная Молитва титульного националиста и гимн националистов «Родились мы в великий час». Подпольным же гимном несуществующей страны служила песнь-реквием «Ще не вмэрла Украина...».

Словом, всё было так, как предвещало Бытие: «И Бог создал Организацию, и дал ей господство над человеком».

Многочисленные трогательные попытки представить поэта Тараса Шевченко крёстным отцом украинской националистической идеи, как правило, с треском проваливались. Хотя бы по той простой причине, что великий Кобзарь нигде и никогда не говорил об украинце или украинцах. Более то-

го, Шевченко однозначно отличал Надднепрянскую Украину, каковую он и считал собственно Украиной, от территории, которую ныне принято именовать Западной Украиной. В своей повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» Тарас Шевченко указывал на существенные различия укладов жизни схижняков (восточных украинцев) и западенцев: «Минувшая жизнь этой кучки задумчивых детей великой славянской семьи не одинакова. На полях Волыни и Подолии вы часто любуетесь живописными развалинами древних массивных замков и палат... О чём говорят эти угрюмые свидетели прошедшего? О деспотизме и рабстве!

О холопах и магнатах! Могила или курган на Волыни и Подолии – большая редкость. По берегам же Днепра, в губерниях Киевской, Полтавской, вы не пройдёте версты поля, не украшенного высокой могилой, а иногда и десятком могил; и не увидите ни одной развалины... Что же говорят пытливому потомку эти частые тёмные могилы вдоль Днепра и грандиозные руины дворцов и замков на берегах Днестра? Они говорят о рабстве и свободе. Бедные, малосильные Волынь и Подолия! Они охраняли своих распинателей в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьем трупом неисчислимы огромные курганы. Она своей славы на глумление не отдавала, ворага деспота под ноги топтала и – свободная, нерастленная – умирала. Вот что значат могилы и руины».

Ключевой фигурой, выразителем идей украинского национализма являлся Дмитрий Донцов. Именно его доктрину взял за основу учредительный съезд Организации украинских националистов (ОУН) в 1929 году. По мнению видного канадского учёного Виктора Полищука, «краеугольным камнем идеологии интегрального (фашистского типа) национализма было отождествление Донцова с видом в природе, что вытекало из основ социал-дарвинизма. Она была человеконенавистнической, антигуманной и антихристианской». Галичанский общественный деятель Михаил Добрянский считал, что «донцовщина легла тяжким грузом на молодую генерацию Западной Украины... Отношение Донцова к религии, к миру абсолютных ценностей является по меньшей мере негативным, чтобы не сказать враждебным... Донцов определил... аморальность национализма как один из главных столпов националистической идеологии... Донцову выпала сомнительная честь санкционировать аморальность в методах политической борьбы... Донцов был тем, кто силой своего влияния перевесил соотношение сил и определил цель – борьбу за *высвобождение беса* в украинском человеке...».

Рядившиеся в белые одежды патриотов оуновцы даже не подозревали, что их хитрости давным-давно, ещё в XVIII веке, были разгаданы британским доктором Самуэлем Джонсоном, заметившим, что «патриотизм – последнее прибежище негодяя».

Через два столетия подобным «прибежищем» стал

«схрон» националиста.

Закончив гимназию, Бандера решил продолжить образование в Украинской хозяйственной академии в старом чешском курортном местечке Подебрады. Однако в получении заграничного паспорта юноше отказали.

Пришлось Степану остаться дома, «занимаясь хозяйством и культурно-просветительской деятельностью в родном селе (работал в читальне „Просвита”, руководил любительским театральным кружком и хором, основал спортивное товарищество „Луг”, участвовал в организации кооператива). При этом проводил организационно-воспитательную работу по линии подпольной УВО в соседних сёлах...»

В сентябре 1928 года Степан поступил на агрономический факультет Львовской высшей политехнической школы. Знать бы те злаки, которые намеревался взращивать будущий агроном... Впрочем, лекции и семинары молодого студента не слишком занимали. Он и сам не скрывал: «Больше всего времени и энергии я вкладывал во время студенчества в революционную, национально-освободительную деятельность. Она пленяла меня всё больше и больше, отодвигая на второй план даже завершение учёбы... Дипломного экзамена я уже не успел сдать из-за политической деятельности и заключения...»

Действительно, студента Бандеру проще было отыскать не в учебных аудиториях, а в особняке на улице Супинско-

го, 21, где располагался студенческий академический дом. Именно здесь, в «твердыне украинского молодёжного националистического движения», кипели страсти, обсуждались все самые важные проблемы.

Бандера стремился находиться в гуще событий, будучи «членом украинского общества студентов Политехники „Основа” и членом кружка студентов-полеводов. Некоторое время работал в бюро (коммуне) общества „Сельский хозяин”, которое занималось подъёмом агрокультуры... В области культурно-просветительской работы от имени общества „Просвита” я отбывал в воскресенье и праздники в поездки в ближайшие села Львовщины с лекциями и оказывал помощь в организации других импрез (мероприятий)».

Постепенно его *страх на ляхи* (ненависть к полякам) переплавлялся в *страх* перед всей Советской империей.

Евген Коновалец

Кстати, в студенческие годы Бандера продолжал свои ори-

гинальные психофизиологические эксперименты по поддержанию силы воли и духа: подвешивал над кроватью кольцо аппетитной домашней колбаски и, преодолевая утробные муки, не прикасался к вожделенному лакомству по нескольку дней. Поначалу товарищи по учёбе с удивлением наблюдали за тем, как Степан хлестал себя ремнём, прижигал пальцы, защемлял их в косяках дверей. Потом привыкли...

14 ноября 1928 года Степана впервые задержали «полицейские» за распространение листовок УВО, – тогда обошлось устным втыком. Через какое-то время его вновь арестовали, теперь уже за организацию «свят-манifestации» в честь 10-летия провозглашения Западно-Украинской Народной Республики.

Безусловным прародителем ОУНа являлся комендант Украинской войсковой организации, бывший полковник петлюровской гвардии, а ещё ранее – командир корпуса сечевых стрельцов Евген Коновалец. На Венском

конгрессе в начале 1929 года Коновальца избрали Проводником (руководителем) организации.

«Я стал сразу её членом, – гордился Бандера. – В том же году я был участником 1-й конференции ОУН Стрыйского округа».

Ради Степана ветераны движения даже пошли на нарушение устава, по которому в организацию принимали только с двадцатидвухлетнего возраста. Недостающий год простили, невелик грех. Тем более лишний «штык» делу не помеха.

Хотя уже тогда заглянувший в «ранец солдата» Петро Балея заметил, что Бандера даже «на пороге двадцатого года жизни вслух мечтал стать гетманом».

Путь к «престолу» был непрост, но энергичный молодой человек успешно осваивал нормы политической жизни. Он понял, как важно примелькаться, что нужно почаще бывать на виду, не пропускать ни одного многолюдного звучного мероприятия. Бандера принимает участие в конференции ООН в Праге, затем в Берлине и Данциге. «Кроме того, – скромно уточнял он, – на узких конференциях-встречах я несколько раз имел возможность говорить о революционно-освободительной деятельности Организации с Проводником УВО-ОУН сл. п. полк. Евгеном Коновальцем и с его ближайшими соратниками...»

Он успешно сдавал «зачёты» по распространению нелегальной литературы. Большая часть националистической прессы издавалась на польских территориях. Бандера отвечал за надёжность доставки тиражей печатной продукции, а также за организацию их нелегального распространения. За «почтальонами» охотились. Уже сам факт обнаружения «Украинского националиста» или «Сурм» («Трубы») был основанием для задержания любителя опасного чтения и сурового его наказания.

Матрицы «Бюллетеня Краевой Экзекутивы¹ ОУН на

¹ Экзекутива – от *лат.* *executio* – «исполнительный», в данном случае – исполнительный комитет. (Кроме указ. случаев примеч. авт.)

ЗУНР» и «Юнака» («Юноши») тайно изготавливались во Львове, потом всевозможными путями переправлялись на конспиративные «хаты»-типографии, регулярно менявшие свои адреса. На пограничных пунктах удалось «прикормить» несколько точек, через которые кипы газет, листовок и брошюр мощным потоком шли на Гуцульщину, Волынь и в другие регионы. Отрабатывались и запасные маршруты – через морской порт «вольного города» Данцига, через Литву, которая не испытывала тёплых чувств к полякам, превратившим древнюю столицу Вильнюс в Вильно, прокладывались скрытые тропы и по белорусским лесам.

В обусловленное время в нужных местах появлялись окружные курьеры, которые передавали литературу уездным вестовым. Польская полиция с ног сбилась, пытаясь разобраться в запутанной сети распространителей. Проводились массовые облавы, аресты «вслепую», устанавливалась слежка, однако улов, как правило, был скуден.

Несколько раз в облавы попадал и Бандера. Но вид невзрачного, худощавого студентика был настолько безобиден, а поведение предельно корректно, что «полициянты», продержав его для острстки день-другой в кутузке, отпустили с миром на все четыре стороны.

Как бы ни стремились усердные летописцы обнаруживать благородные рыцарские черты в пионерах мировых революционных движений, никто не в силах замолчать тот факт,

что при становлении любой оппозиционной политической силы каждая из них неизбежно переживает полукриминальный лихой период «первоначального накопления капитала», иными словами – «экспроприаций».

Участившиеся нападения на банки, почтовые отделения, инкассаторские подводы и железнодорожные спец-вагоны полицейские сперва списывали на не в меру расшалившихся разбойничков с кривыми ножами и лишь позже стали связывать с «политиками». Ещё бы, ведь только в один из дней боевики ОУН удачно провернули сразу несколько операций – напали на почтовые транспорты под Перемышлем и в Коломые и одновременно ограбили банк в Бориславе.

Но вот в невзрачном Городке Ягеллонском осенью 1932 года налёт на почтовое отделение не удался, хотя рассчитывали сорвать немалый куш для оуновского общака. К участию в «мероприятии» было привлечено двенадцать боевиков. У каждого была своя роль. Главные оставались за Дмитрием Данилишиным и Василем Биласом. Они должны были ворваться в помещение, «навести шороху» и быстро собрать золотые. Другие хлопцы обеспечивали безопасный отход добытчиков.

В своём успехе молодые оуновцы не сомневались. Почта не была неприступной крепостью – не банк всё-таки, вооружённой охраны нет, а полицаев в городке – раз-два и обчёлся. Билас и Данилишин, несмотря на молодость, были проверенными боевиками. На их счету уже числились и успеш-

ные «экссы», и даже теракты.

Но с самого начала всё пошло наперекосяк. Сперва с опозданием подвезли боеприпасы, из-за этого пришлось перенести начало операции. Почти сутки налётчикам пришлось пережидать в стоге сена. А погодка была ещё та – на дворе стоял ноябрь. Сырость, бесконечный дождь, порывы ветра трепали худенький стожок и настроения конечно же не добавляли. В общем, натерпелись хлопцы. Хорошо ещё, что предусмотрительный Дмитро горилочки с собой припас. И сольца, естественно, тоже, не говоря уже о тугих солёных огурчиках. Вот девчат, жаль, не было...

Им и в голову не приходило, что полиции уже известно о готовящемся нападении и «гостей» ждали. Когда вооружённые грабители ворвались на почту и рявкнули: «Руки в гору!» – из засады грянули выстрелы. Грозные с виду бандиты кулями рухнули на пол и открыли ответный огонь. Повезло – в суматохе и панике, под шумок, даже успев-таки прихватить с собой опломбированный дерюжный мешок с деньгами, они ужами выскользнули за двери.

– Да хрен с ним, – крикнул Билас напарнику, – бросай ты мешок, ноги бы унести!

– Заткнись! – рявкнул в ответ Дмитро. – Ходу!

Но тут из окон соседнего дома, где тоже засели полицаи, раздался новый залп. Стоявший на стрёме двадцатидвухлетний Владимир Старик был убит наповал, Юрко Березинский тяжело ранен.

– Давай на станцию, – сориентировался Дмитро.

Краем глаза он видел катавшегося по земле Березинского, к которому уже подбегали полицейские. Раненый сунул обрез в рот и спустил курок. Как учили...

Налётчики сломя голову, петляя между домами, помчались к железнодорожной станции Навария Глинная. Уже был виден пыхтящий паровоз, готовый к отправке. «Прибавь ходу!» – на бегу подгонял друга Билас. Им казалось: спасение совсем близко – протяни руку, покрепче ухватись за скользкий поручень трогавшегося состава – и поминай как звали...

– А ну-ка, стоять, хлопчики! Куды ж вы несётесь?! Стоять! – прогремел зычный голос. «Полициянты!» На пути беглецов выросла пара вооружённых людей в фуражках и при погонах. – Документы! – громынула новая команда.

В этот момент старый паровозик оглушительно, по-хулигански свистнул, вздохнул-выдохнул белым паром и медленно тронулся. Билас в отчаянии глянул на товарища. Данилишин кивнул, полез в карман вроде бы за припрятанным билетом или паспортом. Выхватил револьвер и быстро разрядил обойму в полицейских. Один из служивых упал на месте, второй схватился за плечо, выронил винтовку и тонко закричал:

– Пощадите, сынки!

Разбираться с ним было некогда, секунды таяли.

– Вперёд! – взял на себя команду Данилишин.

Парни из последних сил помчались дальше, в сторону от

этой проклятушей станции, орущих людей и, миновав огороды, выскочили на просёлочную дорогу. Легкие разрывались, ноги уже становились ватными. Хотелось рухнуть на стылую землю и забыть весь этот кошмар! Господи, пронеси, спаси и помоги! Ничего этого не было! Ни почты, ни стрельбы, ни погони, ни полицаев! Нет!

Бежать дальше уже не было сил.

Кое-как они доплелись до какого-то лесочка и укрылись под первым же кустом. Низко висело небо в тёмносерых клочковатых тучах. Тихо. Ни птичьего крика, ни человеческого голоса, ни посвиста «загонщиков», ни топота копыт, ни лая собак. Только деревья шумели где-то там, в вышине... Так спокойно. Измученные хлопцы ненадолго забылись на мёрзлой земле.

Хвойный лесок ещё тонул в густых предрассветных сумерках, когда Дмитро растолкал скукожившегося приятеля:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.